

Алферова Ирина Викторовна

"НЕ БУДУ БОЛЬШЕ РАБОЙ СВОЕГО МУЖА, МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ РАВНЫМИ ТОВАРИЩАМИ В ЖИЗНИ!": ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (1917-1927 ГГ.)

В статье на основе материалов периодических изданий 1917-1927 гг. предложен обзор существовавших в российском обществе точек зрения на процесс преобразования семейных межличностных отношений, продемонстрированы сложности объективного и субъективного характера, с которыми происходило реформирование приватной сферы жизнедеятельности населения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 10-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94

В статье на основе материалов периодических изданий 1917-1927 гг. предложен обзор существовавших в российском обществе точек зрения на процесс преобразования семейных межличностных отношений, продемонстрированы сложности объективного и субъективного характера, с которыми происходило реформирование приватной сферы жизнедеятельности населения.

Ключевые слова и фразы: семейные отношения; большевистская власть; «свободная любовь»; дискриминация женщин.

Ирина Викторовна Алферова, к.и.н., доцент

Кафедра философии

Брянский государственный университет

alferovairi@yandex.ru

«НЕ БУДУ БОЛЬШЕ РАБОЙ СВОЕГО МУЖА, МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ РАВНЫМИ ТОВАРИЩАМИ В ЖИЗНИ!»: ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (1917-1927 ГГ.)[©]

В рамках социокультурных экспериментов, которые начались в России с приходом к власти большевиков, определенное место занимал и процесс трансформации традиционных семейных отношений. Действительно, реформирование приватной сферы жизнедеятельности, особенно активное в первое десятилетие Советской власти, привело к самым разнообразным результатам, которые до сих пор не получили однозначной оценки как в отечественной, так и зарубежной науке.

В данном исследовании мы бы хотели остановиться только на одном аспекте проблемы, а именно: продемонстрировать с привлечением источников, насколько это позволяют рамки статьи, реакцию различных групп населения на проводимые преобразования. Данный подход актуален, на наш взгляд, еще и потому, что «...любая революция протекает в действительности на личностно-бытовом, а не на политическом уровне. Ее исход и историческую судьбу определяет обыватель, а не доктринер» [5, с. 8]. Другими словами, успешность преобразований, тем более затрагивающих частную жизнь населения, во многом зависит от его готовности принять и поддержать новшества, то есть от реально назревшей необходимости перемен.

Необходимо заметить, что концептуально проработанной программы становления новых семейных отношений, учитывавшей культурно-исторические реалии страны, у большевиков не было и, вероятно, не могло быть. Как и в других сферах жизнедеятельности, новая власть начала экспериментирование, которое базировалось исключительно на теоретических, крайне обобщенных постулатах марксизма. Тезис об «отмирании буржуазной семьи» был для лидеров большевистской партии бесспорным. Главной же предпосылкой перерастания традиционных семейных отношений в коммунистические заявлялась отмена частной собственности, что предопределяло исчезновение индивидуального хозяйства и переход к социальному воспитанию детей.

Уже в первые месяцы существования Советской власти Советом народных комиссаров были приняты декреты «О расторжении брака» 16 (29) декабря 1917 г. [12, с. 237-238], «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» 18 (31) декабря 1917 г. [Там же, с. 247], провозглашавшие светский, гражданский характер брака и развода. Десять тысяч заявлений о разводе в волостях 16 губерний, поданных только спустя три месяца после вступления в силу законов, облегчавших расторжение брака, были, по-видимому, в глазах новой власти свидетельством актуальности задуманных перемен [15, с. 219].

Неслучайно в резолюции «Семья и коммунистическое государство», принятой Первым Всероссийским съездом работниц (1918 г.), однозначно провозглашалось: «Фундамент, на котором построена семья буржуазного общества, перестает существовать. Семья перестает быть нужной для общества, так как с победой коммунизма все хозяйственные работы и заботы о членах семьи берет на себя коллектив, само государство трудящихся. Все материальные основы семьи исчезают. Брак превращается в свободный товарищеский союз двух равноправных самостоятельно зарабатывающих членов великой трудовой семьи» [22, с. 12].

Некоторым диссонансом прозвучало опубликованное в декабре 1918 г. в газете «Правда» письмо «К товарищам работницам-коммунисткам» за подписью «Анна». Впрочем, оно не получило на тот момент существенных откликов. Автор с горечью констатировала: «Мы свободны политически, мы имеем все политические права, но мы не избавились от социального рабства. Мы свободны экономически, мы имеем свой заработок, но, придя с работы, мы всё те же женщины-рабы, что и женщины средневекового хозяйства. Мы хватаем за наши кастрюли и котлы, чтобы накормить мужей и детей, наше сердце рвется, чтобы удовлетворить малых ребят» [13].

Обзор периодической печати демонстрирует, что проблема трансформации семьи в большевистском дискурсе первых послереволюционных лет свелась исключительно к обобществлению хозяйства и воспитанию детей. Даже издания, ориентированные исключительно на женщин, например «женские странички» в ряде газет, не затрагивали вопросов, касавшихся сложного и, очевидно, длительного процесса становления новых форм брака, который, в свою очередь, предполагал генезис новых форм семейной морали, межличностных отношений мужчин и женщин, в том числе и в сексуальной сфере.

Только в 1920 г. на страницах официального печатного органа женотдела ЦК РКП(б) журнала «Коммунистка» активистка отдела С. Н. Равич заявила о неблагополучии, которое проявилось в сфере межличностных отношений российского общества: «Необходимо вести упорную, большую, постоянную работу влияния, особенно на молодежь, в сторону создания правильной, здоровой, сексуальной жизни. Старые гнилые устои семьи и брака рушились и идут к полному уничтожению с каждым днем. Но нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь понимается как свободный разврат. Самые ответственные политические люди, вожди революции, сами в этой области по очевидности бессильны и явно не связывают концов с концами» [27, с. 23].

В следующем номере журнала руководитель центрального женотдела И. Ф. Арманд (псевдоним Блонина Е. - И. А.) вынуждена была признать: «Брак будет делом личным и совершенно свободным... Но путь к этому освобождению длинен и тернист. Он требует длительной перестройки всех общественных отношений и величайшего переворота во всех воззрениях и понятиях людей. И если бы мы стали утверждать, что женщины в Советской России добились уже сейчас полного освобождения, полного равенства, мы только обманывали бы самих себя» [4, с. 22]. Неудачи же Советской власти в деле полного освобождения женщин и реформирования семейных отношений И. Ф. Арманд объясняла разрухой, в результате которой «не удалось еще поставить все производство и потребление на новых коммунистических началах» [Там же].

В целом можно отметить, что редакции советских изданий, ориентированных на женскую аудиторию, избегали и впредь рассуждений, посвященных интимным проблемам человеческих взаимоотношений, уделяя внимание исключительно внешним преобразованиям. Возможно, это объясняется тем, что И. Ф. Арманд, возглавлявшей женотдел ЦК РКП(б), и главному редактору журнала «Коммунистка» Н. К. Крупской, как близким В. И. Ленину людям, хорошо было известно его неприязненное отношение к различного рода теоретизированиям на данную тему, тем более публичным. Так, в разговоре с К. Цеткин, происходившем в 1920-м году, он заявлял: «Скажите, пожалуйста, время ли сейчас по целым месяцам занимать работниц тем, как любят и любимы, как ухаживают и принимают ухаживания» [33, с. 40]. Для него ответ был однозначен: «Сейчас все мысли работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создаст основу также и для действительного обновления условий брака и отношений между полами» [31, с. 40].

Однако проблемы в сфере половой морали, а следовательно, и в сфере семейных отношений подспудно зрели в послереволюционной России. Массовый процесс отрицания традиционных семейных норм, который начался еще в начале XX в., многократно усилился в стране, пережившей несколько лет войны и вступившей на путь тотального социального реформирования. Более того, определенная часть населения, прежде всего городская молодежь, посчитала, что «свободная любовь» является частью революционного процесса, в том числе тотального освобождения от общепринятых норм человеческих взаимоотношений. Действительно, массовые опросы по проблемам отношений между полами, проведенные в начале 1920-х гг. социологами [3; 10; 11], демонстрировали тенденцию к примитивизации моральных норм. В то же время социолог И. Гельман, опираясь на свои статистические исследования, признавал, что «духовное большинство, как бы ни была уродлива их настоящая половая жизнь, сейчас думает и думает серьезно о том, что нужно создавать достойную половую жизнь свободного человека» [10, с. 102]. Так, для большинства из опрошенных им молодых людей идеальными оставались длительные половые отношения, основанные на любви (50,8% у мужчин, 67% у женщин) или в браке (21,4% у мужчин, 14,3% у женщин) [Там же, с. 99].

При этом были дезориентированы даже те представители молодежи, которые не отличались склонностью к авантюрам в сфере любви. Отношение к браку за несколько послереволюционных лет серьезно изменилось: встретить любимого/любимую и создать семью, как продемонстрировал опрос, для значительного числа респондентов были событиями нетождественными. Отрицательное отношение к браку объяснялось рядом причин, в том числе и идейного свойства. Респонденты связывали брак с «буржуазными предрассудками», «обывательщиной», «мещанским обрядом», были уверены, что он отвлекает супругов от общественной жизни, и потому отвергали его [Там же, с. 92]. Свободные же половые отношения вне гражданской регистрации, которые становились все более популярными среди населения, грозили социальной катастрофой, причем дискриминируемой стороной чаще всего становились женщины: возросло количество аборт и брошенных детей.

Неблагополучие в приватной сфере жизнедеятельности общества заставило, наконец, первых лиц государства обозначить идеологически «правильный» подход к перестройке семейных отношений. Так, в конце 1922 г. Л. Д. Троцкий в Москве провел совещание агитаторов, основной темой которого должна была быть проблема переустройства быта. Однако вектор обсуждения постепенно сместился в сторону вопросов взаимоотношения полов, что само по себе свидетельствовало об актуальности проблемы. Многие выступавшие сетовали на то, что вопросы пола нигде не обсуждались, не выносились на страницы печати, докладчики из центра в лучшем случае в своих выступлениях по этой проблеме ссылались на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». При этом всем было ясно, что наблюдалась «какой-то крупномасштабный весьма хаотичный процесс, который вскоре примет трагические формы».

Так, председатель губернского союза текстильщиков Марков заявил: «Я предупреждаю, что на нас надвигается колоссальное бедствие... "свободная любовь". От этой свободной любви коммунисты натворили ребятишек. Коммунистов потом мобилизовали, и на иждивении завкома остались чуть ли не две тысячи ребятишек. И если война дала нам массу инвалидов, то неправильное понимание свободной любви наградит нас еще большими уродами» [31, с. 86].

Подводя итоги дискуссии, Л. Д. Троцкий вынужден был констатировать: «Надо признать: пролетарская семья расшаталась» [Там же, с. 104]. Итоги своих рассуждений по поводу возможных способов преодоления

кризиса в семейной сфере и создания новых форм социалистического общежития Л. Д. Троцкий изложил в статье «От старой семьи - к новой», которая была опубликована в «Правде» [32].

Он выделил несколько типичных конфликтных ситуаций, в которых оказались семьи рабочих в связи с перестройкой традиционного уклада. В первой из них муж «переживает духовный переворот, становится революционным гражданином и другим человеком», при этом жена не успевает перестроиться, в результате: «Старая семейная смычка порвана. Новая не создается» [Там же]. Другая ситуация, когда муж и жена - коммунисты, которые находят смысл жизни в общественной работе. Неустроенность быта приводит в конечном результате к разрыву. Наконец, Л. Д. Троцкий описывал семейную ситуацию, когда жена становилась активисткой, занималась общественной работой, «энергия ее находит новое, более широкое применение», по сравнению с домашним хозяйством, муж в результате «ожесточается», и в итоге происходит разрыв [Там же].

При этом Л. Д. Троцкий достаточно оптимистично смотрел на будущее социалистической семьи, процесс формирования которой на момент написания статьи для него был уже бесспорным. Гарантацией же успешного создания новых отношений между мужчиной и женщиной он, как марксист, видел в сочетании «материальных условий», т.е. в создании коммунальных служб, и «психических предпосылок», а также «культурного роста рабочего класса, развития личности, повышения ее запросов и внутренней дисциплины» [Там же].

Публикация Л. Д. Троцкого вызвала большое количество откликов не только на страницах газеты «Правда», но и в других изданиях. Большинство принявших участие в обсуждении мужчин усматривало сложности становления новых семейных отношений в отсталости женщин: «Женщина-пролетарка в общей массе не изменилась и отстала от мужчины на целую голову. У рабочего-передовика жены-помощницы и советчики нет...» [Там же]. Женщины, участницы дискуссий, с горечью отмечали пренебрежительное отношение к себе со стороны мужчин. Так, в письме, подписанном А. В-а, отмечалось: «Женщина находится в тысячу раз худшем положении, чем мужчина. На нее еще смотрят по-прежнему, она еще подвергается унижениям. Мужчина, даже партиец, смотрит на нее не так, как на товарища, но видит в ней только женщину; если он не хочет этого показать, то это прорывается помимо его воли» [7].

В то же время на страницах женской печати появлялись публикации, которые, по-видимому, могли служить некоторыми моделями в разрешении распространившихся семейных конфликтов: речь шла об «идейно прозревших» женах и возможном преодолении косности мужей. Так, рабкорка Евская, написавшая в журнал «Делегатка», не пожелала «оставаться темной» и решила для себя: «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!» [18, с. 6-7]. После этого она вступила в партию и занялась общественными делами. Пришлось мужу самому учиться печку топить, горшки мыть, хлеб месить. В письме, подписанном «работницы фабрики "Б"», в том же журнале, женщина, уже ставшая коммунисткой и посвятившая себя общественным делам, не найдя понимание в семье, решительно заявила мужу: «Я с тобой жить не буду. Оставь меня. Ищи себе такую, которая будет сидеть дома, а я не могу» [25, с. 7].

В конечном итоге при всем разнообразии ситуаций и встречных претензий мужчин и женщин друг к другу все участники обсуждения приходили к общему знаменателю. Новые формы семьи, новые формы межличностных отношений, а в итоге - другое отношение к женщине появятся только со складыванием новых материальных условий: общественного питания, яслей, детских домов, прачечных и пр. Наиболее лаконично по этому вопросу высказалась П. С. Виноградская, которая категорично определила «так называемые психологические проблемы: пола, любви и т.п.» вторичными, несущественными, зависимыми от решения задач в области быта: «И до тех пор, пока мы не сделаем нового, не сдвинем тех китов, на которых держится в основном наш старый быт, то есть пока мы не добьемся снятия с семьи индивидуально-хозяйственных забот, воспитания детей и не раскрепостим женщину, до тех пор вопросы быта будут вращаться как в заколованном кругу» [8, с. 213-214].

Дискуссия, развернувшаяся в это же время на страницах молодежного журнала, главного печатного органа ЦК РКСМ «Молодая гвардия», первоначально имела несколько иной характер. А. М. Коллонтай, инициатор дискуссии, попыталась не просто изложить свои взгляды на новую семью и возможные формы интимных отношений мужчин и женщин в социалистическом обществе, но и разобраться именно в психологической составляющей проблемы.

Ход и результаты этой дискуссии уже неоднократно выступали предметом исторического анализа [20; 21; 23; 30], поэтому, не останавливаясь на ней подробно, отметим только основные моменты. В статье «Дорогу крылатому Эросу!», вызвавшей наибольший резонанс у читателей, А. М. Коллонтай рассуждала о двух типах любовного чувства: «бескрылом Эросе» - чисто плотском влечении - и «крылатом Эросе» - «любви, сотканной из тончайшей сети всевозможных душевно-духовных эмоций» [14, с. 112]. В развитом социалистическом обществе, по ее прогнозам, должна наступить эра «преображенного Эроса», когда союз двух людей будет основан на здоровом, свободном и естественном влечении. А. М. Коллонтай еще раз подтвердила, что именно любовный союз двух свободных и равноправных членов трудового коллектива оставался для нее идеалом [Там же, с. 123].

Критические статьи появились уже в следующих номерах «Молодой гвардии». А. М. Коллонтай обвиняли в умозрительности рассуждений, в «феминистическом субъективизме» [2, с. 148], в защите сексуальной распушенности буржуазной интеллигентной молодежи и незнании особенностей взаимоотношений рабочих парней и девушек-работниц, а также крестьянской молодежи, которая «не думает ни о каких эросах» [16, с. 153].

Наиболее жесткая и, по большей части, несправедливая критика обрушилась на А. М. Коллонтай со стороны ее коллеги по женотделу и редакции журнала «Коммунистка» П. С. Виноградской. Та определила А. М. Коллонтай как «Жорж Санд XX века и Вербицкой нашей коммунистической журналистики», обвинила ее в переоценке эроса и культа любви и недостаточном внимании к «наболевшим проблемам», а именно: разводам, абортам и т.п. По мнению П. С. Виноградской, А. М. Коллонтай популяризировала «биологические

сексуальные теории» и поощряла свободные половые отношения. Она предлагала прекратить сами разговоры о сексуальной стороне жизни, поскольку «излишнее внимание к вопросам пола может ослабить боеспособность пролетарских масс» [9, с. 213-214].

Дискуссия, начатая А. М. Коллонтай, первоначально посвященная интимному аспекту возможных в социалистическом обществе взаимоотношений мужчины и женщины, опять-таки переключилась на бытовые проблемы. Критикуя вслед за Ф. Энгельсом буржуазную семью за «эгоистический буржуазный расчет», партийные идеологи, а вслед за ними и трудящиеся массы благополучие пролетарской семьи увязывали с наличием материальных предпосылок [23, с. 223], избегая рассуждений о тревожной ситуации в сфере половой морали.

Новый виток дискуссии начался с публикации в марте 1925 г. в газете «Правда» статьи С. Н. Смидович с красноречивым названием «О любви». Бывшая заведующая женотделом ЦК РКП(б)¹ посчитала возможным для себя нарушить сформировавшееся в кругу работников женотдела правило, о чем упоминалось выше, не рассуждать на страницах печати о сексуальной сфере взаимоотношения полов. Она была вынуждена признать: «Неблагополучие в области половой жизни широких слоев нашего пролетарского юношества стало почти общим местом» [29], - объясняя тем самым необходимость возобновления дискуссии в обозначенном ею аспекте.

С. Н. Смидович, опытная работница женотдела, со знанием реального положения «в области полового вопроса» описала типичную схему, по которой часто выстраивались интимные взаимоотношения комсомольцев: «1) Каждый комсомолец, рабфаковец и пр. <...> может и должен удовлетворять свои половые стремления. Это почему-то считается неоспоримой истиной. Половое воздержание квалифицируется как мещанство. 2) Каждая комсомолка-рабфаковка, просто учащаяся, на которую пал выбор того или иного самца <...> должна пойти ему навстречу, иначе она мещанка, недостойная носить имя комсомолки, быть рабфаковкой, пролетарской студенткой» [Там же].

Развязкой подобных отношений чаще всего был аборт или отказ от уже родившегося ребенка, что наносило вред если не организму девушки, то ее психике. Если же юная мать решалась оставить ребенка, вся тяжесть по его воспитанию ложилась в 95 случаев из 100 на ее плечи: женщина-учащаяся должна была бросить учебу, общественница - распротеститься с общественной работой.

Публикация С. Н. Смидович, появившаяся в «Правде», стала неординарным явлением. Она обозначила такой аспект проблемы половых взаимоотношений, который не вписывался в расхожие рассуждения партийных идеологов о пролетарском коллективизме и предполагаемом равенстве мужчин и женщин при социализме, наступление которого связано лишь с необходимостью обеспечить реформирование быта [Там же]. Нескончаемый поток писем читателей в газету «Правда» не позволил опубликовать их целиком, поэтому редакция подготовила из них специальный обзор. Для исследуемой проблемы он интересен еще и потому, что отражал достаточно большое количество точек зрения на трансформацию семейных и половых взаимоотношений, существовавших в российском обществе на тот момент. Остановимся на некоторых из них.

Наибольшую заинтересованность публикация вызвала у учащейся молодежи. Целый ряд авторов-девушек выражал благодарность С. Н. Смидович за то, что она «вынула язву из груди каждой женщины», «вовремя подметила неверное понимание полового вопроса» [19] и тем самым помогла сориентироваться им в непростых этических проблемах.

Однако в своем большинстве корреспонденты так или иначе оспаривали правильность выводов С. Н. Смидович. Так, Анашенков, Чесноков, Гильберг и др., признавая ненормальность в половых взаимоотношениях молодежи, недоумевали по поводу обличений в одностороннем порядке только мужской части комсомола. Часть авторов обвиняла С. Н. Смидович в незнании повседневности молодежи, в упрощении и даже искажении ситуации в сфере половой морали, поясняя: «Семейно-половой вопрос разрешается этой группой молодежи в полном согласии с советом т. Смидович путем свободного союза равноправных людей, одинаково несущих перед лицом всего общества ответственность за рождающихся от этого союза детей» [Там же]. Комсомолец П. Артецкий решительно утверждал: «В своей общей массе комсомольская молодежь далека от той половой разнужданности, про которую пишет т. Смидович... Они (комсомолы - *И. А.*) в работе товарищи, в деле - друзья, а в личной жизни он "стреляет" за беспартийной, она мечтает о беспартийном» [Там же].

Наконец, ряд авторов специально останавливались на способах борьбы с недостатками, существовавшими в половой сфере. Большинство из них возлагало надежду на агитационно-просветительную работу среди молодежи, которая должна была способствовать половой грамотности населения. «Партия должна дать задание марксистам: биологам, медикам, философам, экономистам, педагогам, литераторам и т.д. - всесторонне разработать половую проблему, дать соответствующие руководящие указания нашей молодежи в рамках неоформленной партийной этики» [Там же], - настаивал в своем письме В. Колкий.

Часть корреспондентов не полагалась на простое просвещение молодежи и призывала посредством законодательства «обратить самое серьезное внимание на моральные преступления», «издать законы, охраняющие от них женщину, и на деле устранить половое неравенство» [Там же]. Причем изменение законодательства, согласно поступившим предложениям, не обязательно должно было носить репрессивный характер. Тов. Элик, например, предлагал издать закон о том, что «каждый гражданин СССР (мужчина или женщина), достигший известного возраста (22-25 - 50-60 лет), обязан принимать участие в воспитании детей, уплачивая прогрессивно-подходящий налог в размере не менее 2-3 процентов фактического заработка» [Там же]. Таким образом, предлагаемая мера, с одной стороны, способствовала бы утверждению социального воспитания детей, а с другой - обеспечивала бы материальную и социальную защищенность женщин-матерей, не состоявших в браке.

¹ С. Н. Смидович возглавляла женотдел ЦК РКП(б) с 1922 по 1924 гг. С 1925 г. работала в ЦКК РКП(б).

Публикация статьи С. Н. Смидович и отзывов на нее на страницах «Правды» стала, таким образом, своеобразным сигналом, активизирующим обсуждение вопросов половой морали. Идеологически-правильный аспект обсуждения проблемы был задан главными советскими идеологами. Свое возмущение той частью советской молодежи, которая считала «весьма революционным плевать на все и всяческие стеснения в области половых отношений», на страницах «Комсомольской правды» выразил Н. И. Бухарин [6, с. 309]. Я. М. Ярославский в своих публикациях в «Молодой гвардии» утверждал: «Мы не собираемся проповедовать монашеский аскетизм, но вместе с тем у нас возбуждает величайшую тревогу известная половая распущенность, которая есть в определенных кругах среди нас - и среди коммунистов, и в особенности среди молодежи» [37, с. 149]. А. В. Луначарский резко выступил против приравнивания любви к «пустякам», ополчения любовного чувства и сведения его к половой разрядке [17, с. 83].

Знаменательно, что, пытаясь выработать новые критерии моральности в области сексуальных отношений, партийные идеологи не выступали против свободных половых отношений между мужчиной и женщиной вне формальной регистрации. Марксистский тезис об отмирании семьи при социализме оставался по-прежнему определяющим во взглядах на развитие взаимоотношений между полами в будущем. Именно поэтому обсуждение нового кодекса о браке, которое активизировалось в 1925 г., затрагивало, прежде всего, проблему защиты статуса женщины, состоявшей в «фактическом браке».

Комиссар юстиции Д. И. Курский, который возглавил группу, разрабатывающую проект кодекса, неоднократно заявлял, что новый закон должен явиться средством «защиты более слабой группы» [30, с. 496], то есть женщин и детей. Он напоминал, что незарегистрированный брак - это реальность современной России, поэтому отказывать в юридических и экономических правах женщине, не имевшей официального статуса жены, было бы ужасной несправедливостью.

Дискуссия по поводу нового кодекса развернулась на страницах многих периодических изданий, в том числе женских. Редакция «Работницы» обратилась с предложением к читательницам обсудить проект кодекса на общих собраниях, а резолюции этих собраний присылать в журнал. Напоминая идеологически правильный ракурс для рассмотрения вопроса, редакция подчеркивала: «Женщина, находящаяся в близких отношениях с мужчиной, работающая с ним рука об руку на фабрике, заводе или на дому, есть его друг, товарищ и жена, которую ни он, никто в семье, в обществе и в государстве не смеет унижать и оскорблять» [28, с. 3].

Многочисленные отклики, опубликованные в печати, свидетельствовали о поддержке этих изменений, прежде всего, со стороны женщин. Замечания касались только отдельных положений. Так, часть авторов писем в «Работницу» считала обязательным регистрацию браков «в интересах большей обеспеченности женщин». При этом все без исключения выступали за «полноправие детей, родившихся в незарегистрированном браке, а также женщин, не зарегистрировавших своих отношений» [35, с. 15]. В то же время были корреспондентки, которые считали регистрацию необязательной, «раз развод свободен, а дети имеют одинаковые права на обеспечение со стороны родителей» [36, с. 15]. Рабкорка ленинградского журнала «Работница и крестьянка» предлагала вообще отменить брак, считая, что «на восьмой год революции надо отвязать от формальных регистраций в ЗАГСе» [24, с. 30].

Все корреспонденты высказывались за повышение брачного возраста для девушек до 18 лет. Одни работницы объясняли это тем, что «половая жизнь тяжело отражается на молодом недоразвитом организме, особенно тяжело влияют на него частые аборт» [35, с. 15], другие считали, что «только тогда, когда девушка умственно созреет, когда у нее выработается известное мировоззрение, когда она займет определенное место в государственном рабочем коллективе, - только тогда она может подумать о браке, о семье» [34, с. 17].

Не все работницы поддерживали идею о взыскании алиментов сразу с нескольких мужчин при невозможности определить отцовство, не снимали ответственности женщины за рождение детей вне брака. «Если женщина самостоятельна, - заявляла автор письма Смелова в «Работницу», - она не пойдет на такое пошлое дело. Нам, женщинам, не за алименты нужно воевать, а за приюты, куда бы можно было отдавать детей. Алименты порождают распущенность. Бывает, что женщина сама вызывает мужчину на связь с ней, а потом тянет его в суд» [36, с. 15].

С января 1927 года вступило в силу новое семейное законодательство. «Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР» утверждал особое значение регистрации брака для государства и общества. Признавался и фактический брак по таким его параметрам, как совместное проживание и ведение хозяйства, содержание и воспитание детей. Кодекс предусматривал обязанность мужчин в течение года помогать женам, если они в этом нуждались по безработице, болезням или другим причинам. Жены также обязывались помогать мужьям. Помимо выплаты алиментов нуждающемуся супругу, была введена новая норма, по которой предусматривалась общая собственность супругов на имущество, нажитое во время брака [26, с. 759]. Можно согласиться с Н. А. Араловцем, что «принятые законы должны были способствовать формированию семьи, свободной от прежних ограничений, запретов и условностей, выработанных дореволюционным обществом» [1, с. 30].

В свою очередь, краткий обзор советской печати послереволюционного десятилетия свидетельствует, что некая трансформация семейных ценностей в общественном сознании действительно происходила. С одной стороны, изменения были обусловлены революционной риторикой преобразования общественных отношений в стране, с другой - являлись следствием объективных причин: многолетней войны, затем процесса урбанизации и индустриализации.

В реальности становление новых семейных отношений происходило со значительными сложностями, которые порождались бытовыми проблемами, широко распространенными патриархальными предрассудками и обозначившимся в рамках «половой свободы» очевидно потребительским отношением к женщине у

определенной части мужского населения. Отсутствие у лидеров большевиков целостной и последовательной программы, излишне «материалистический» подход в решении проблем межличностной сферы не просто тормозили процесс преобразований, но и порождали упрощенный взгляд на реформирование: в результате именно женское население чаще всего становилось дискриминируемой стороной.

В то же время необходимо отметить, что к концу 1920-х гг. в семейно-брачных отношениях стали утверждаться новые ценностные установки. Так, гражданская форма заключения брака становилась господствующей, по крайней мере среди студенчества. Согласно переписи, проведенной в 1927 г. в Одессе, из состоявших в браке студентов в гражданском браке находились 63,3% мужчин и 57,7% женщин; в церковном - 20,2% и 10%, в свободном - 16,5% и 31,7% соответственно [Там же]. Совместные интересы и взаимные чувства становились основными мотивами при заключении брака, а материальный расчет и стяжательство в семейных отношениях осуждались. Идеальными между супругами считались отношения товарищества и взаимовыручки.

Список литературы

1. Араловец Н. А. Городская семья в России: 1927-1959 гг. Тула, 2009. 304 с.
2. Арватов Б. Гражд. Ахматова и тов. Коллонтай // Молодая гвардия. 1923. № 4-5. С. 147-151.
3. Барони М. С. Половая жизнь рабочих Москвы // Венерология и дерматология. 1925. № 6. С. 137-147.
4. Блонина Е. Условия полного освобождения работниц и крестьянок // Коммунистка. 1920. № 3-4. С. 21-24.
5. Буддаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 375 с.
6. Бухарин Н. И. Об упорядочении быта молодежи // К новому поколению. М., 1990. С. 309-318.
7. В-а А. К вопросу о нашем быте (в порядке обсуждения) // Правда. 1923. № 181. 14 августа.
8. Виноградская П. Вопросы быта (по поводу статьи тов. Троцкого) // Там же. № 166. 26 июля.
9. Виноградская П. Вопросы морали, пола, быта и т. Коллонтай // Красная новь. 1923. № 6 (16). С. 204-214.
10. Гельман И. Половая жизнь советской молодежи: опыт социально-биологического обследования. М.-Л., 1925. 152 с.
11. Голосовкер С. Я. К вопросу о половом быте современной женщины. Казань, 1925. 23 с.
12. Декреты Советской власти / ред. комис. Г. Д. Обичкин и др. 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. Т. I. 626 с.
13. К товарищам работницам-коммунисткам // Правда. 1918. № 288. 31 декабря.
14. Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 111-124.
15. Крюкова С. С. Женщина и имущественное право в советской деревне 20-х гг. XX вв.: «от темной, бедной крестьянки» к «новой породе женщин» // Семья в ракурсе социального знания: сборник научных статей. Барнаул, 2001. С. 213-230.
16. Лин И. Эрос из Рогожско-Симоновского района // Молодая гвардия. 1923. № 4-5. С. 152-155.
17. Луначарский А. В. О быте. М., 1927. 84 с.
18. Мужа своего переделала: картинки быта // Делегатка. 1923. № 9. С. 6-7.
19. О «любви»: из статей, поступивших в редакцию // Правда. 1925. № 102. 7 мая.
20. Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174-186.
21. Осипович Т. Проблемы пола, брака и семьи и положение женщины в общественных дискуссиях сер. 1920-х гг. // Там же. 1994. № 1. С. 161-171.
22. Первый Всероссийский съезд работниц 16-21 ноября 1918 г. и его резолюции. Харьков, 1920. 23 с.
23. Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918-1928 годов и «половой вопрос»: о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности // Советская социальная политика 1920-1930-х гг.: идеология и повседневность. М., 2007. С. 199-227.
24. Раборка 3-ич. Долой слово «брак»! // Работница и крестьянка. 1926. № 4. С. 30.
25. Работница фабрики «Б». С таким мужем - не по дороге // Делегатка. 1923. № 9. С. 7.
26. Рабочий суд. М., 1925. № 17-18. С. 724-778.
27. Равич С. Борьба с проституцией в Петрограде // Коммунистка. 1920. № 1-2. С. 21-23.
28. Семейно-брачное право // Работница. 1925. № 17. С. 3-4.
29. Смидович С. О любви (посвящается нашей женской молодежи) // Правда. 1925. № 67. 24 марта.
30. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм (1860-1930). М., 2004. 616 с.
31. Троцкий Л. Вопросы быта: эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923. 160 с.
32. Троцкий Л. От старой семьи - к новой // Правда. 1923. № 155. 13 июля.
33. Цеткин К. Из записной книжки // Воспоминания о Ленине. М., 1955. 48 с.
34. Что предлагают работницы: по проекту семейно-брачного права // Работница. 1926. № 5. С. 17.
35. Что предлагают работницы: по проекту семейно-брачного права // Там же. № 14. С. 15.
36. Что предлагают работницы: по проекту семейно-брачного права // Там же. № 18. С. 15.
37. Ярославский Е. М. Мораль и быт пролетариата // Молодая гвардия. 1926. № 5. С. 138-153.

“I WON'T BE MY HUSBAND'S SLAVE ANY MORE, WE MUST BE EQUAL PARTNERS IN LIFE!”: FAMILY RELATIONS TRANSFORMATION IN RUSSIAN SOCIAL DISCOURSE (1917-1927)

Irina Viktorovna Alferova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Philosophy
Bryansk State University
alferovairi@yandex.ru

The author presents the review of the viewpoints on the process of family interpersonal relations transformation which existed in the Russian society on the basis of the materials of periodicals of 1917-1927 and demonstrates the difficulties of reforming the private sphere of population life activity of objective and subjective character.

Key words and phrases: family relations; Bolshevik rule; “free love”; women discrimination.